

К. Т. Сергазина

ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ОБЩИНАХ ХРИСТОВЕРОВ (1721–1747)

Статья посвящена женскому лидерству и особенностям общин христоверов XVIII–XX вв. – так, как они представлены в работах исследователей русского сектантства и в архивных материалах.

В общинах христоверов XVIII в. мы видим монахинь, становившихся лидерами общин, которые теперь принято относить к гетеродоксии, кликуш, становившихся главными фигурами собраний (пророчицами). В общинах XIX и XX вв. христоверов и постников женское лидерство становится настолько характерным, что в историографии и миссионерской литературе женщины-лидеры называются не иначе как «хлыстовские богородицы».

При этом сам феномен «хлыстовских богородиц» почти не осмыслен и воспринимается исследователями только в паре «Христос – Богородица».

Мы знаем, что почитание «богородиц» из народа – это одна из самых узнаваемых черт хлыстовства. Таких хлыстовских «богородиц» мы, например, встречаем в рассказе Марины Цветаевой «Хлыстовки» («Кирилловны») или в «Степном короле Лире» Тургенева – то есть ко времени написания этих текстов феномен хлыстовских «богородиц» становится общим местом в российской культуре. При этом мы не знаем до конца, о чем именно идет речь. Можно ли говорить о «ритуальном самозванстве», об отождествлении лидеров христовщины с Христом и Богородицей на рдении или об уподоблении наставников Христу и Богородицы? Мы не можем понять или проверить, действительно ли наставники христоверов соотносили себя с Христом иначе, чем это принято в общехристианской традиции, и должны оставить за скобками вопросы их самоидентификации. Но мы можем описать, как они говорили о себе и как представляли себя в перформативном контексте, как видели их другие и какие нарративы это порождало.

Все рассмотренные в этой статье случаи так или иначе имеют отношение к Москве и объединены одним историческим периодом – первой половиной XVIII в. В поле нашего внимания попали монахини и послушницы московских монастырей, связанные с христовщиной, кликуши, посещавшие собрания христоверов в Москве, юродивые.

Московские общины христоверов

Из статистики, составленной историком, сотрудником Московского архива Министерства юстиции В. В. Нечаевым, мы знаем, что в Москве в 1733 г. было задержано по принадлежности к христовщине 303 человека. Из них 57 монахинь московских монастырей,

четыре вкладчицы московских монастырей, дворянка Авдотья Лопухина. Монахини жили в Ивановском (21), Никитском (20), Егорьевском (11), Рождественском (4), Варсонофьевском (1) монастырях. Еще В. В. Нечаев упоминает, не называя их имен, четырех послушниц Варсонофьевского, Никитского и Рождественского женских монастырей. В 1749–1757 гг. были задержаны 44 монахини и 14 проживающих в монастырях послушниц (общее число задержанных во время второй следственной комиссии о раскольниках в Москве – 452 человека). Монахини жили в Ивановском монастыре (13), в Варсонофьевском (11), в Никитском (6), в Георгиевском (1), послушницы – в Ивановском (3) и Варсонофьевском (2). Кроме того, во время второй следственной комиссии была допрошена и княжна Дарья Хованская. Из дела о Хованской мы знаем также, что в Варсонофьевском монастыре было две кельи с послушницами, разделявшими учение христовщины, проживание которых в монастыре оплачивал один из лидеров московской общины Андреян Петров (он содержал на своем коште две кельи в Варсонофьевском монастыре).

Из насельниц Варсонофьевского монастыря В. В. Нечаев поименно упоминает задержанных в 1745 г. игуменью Ирину Михайлову, старицу Назарету, Серафиму и Александру Юдиных, Ефросинью Памфилову, Ироиду Андрееву, Александру Васильеву, Елизавету Пименову, Евпраксию Иванову, Есфирь Игнатьеву, беллиц Акулину Родионову, Настасью Максимову и Настасью Макарову. Он также называет по имени старицу Никитского монастыря Евдокию Григорьеву¹. В указе 1734 г. названы старицы Ивановского монастыря – Катерина Ларионова, Авдотья Михайлова, Акси́нья Яковлева, Акулина Иванова, сосланные в «Тобольской епархии близ мужского Успенского Долматова монастыря, девичь монастырь»², и Настасья Карпова.

Анастасия (Агафья) Карпова

Одной из первых женщин, появившихся в следственных документах о христовщине в Москве, была монахиня Ивановского монастыря Настасья (Агафья) Карпова. Многие рассказывали на допросах о том, что именно она учила христовщине – изустно, не по книгам. Из показаний иеромонаха Филарета известно, что Настасья приезжала в Венёв к Семену Миляеву, а также ездила в Волок Ламский. И именно как распространительница учения она была казнена на Сытном рынке в Санкт-Петербурге вместе с иеромонахами Высокопетровского монастыря Филаретом (Федором Муратиным) и Тихоном (Тимофеем Струковым), монахом Венёвской Богоявленской пустыни Савватием (Струковым) и вкладчицей Варсонофьевского монастыря Марфой Павловой.

В документах сохранились примеры проповеди Настасьи Карповой: так, Марью Борисову «Настасья учила словами, что она *молилась Богу, пива и вина не пила и жила постоянно*»³, иеромонаха Филарета «Настасья [Карпова] стала уговаривать его перейти в их согласие, понеже вера и учение угодно Богу и при том сказывала, что в вере и учении их содержится то, чтоб *холостым не жениться, а женатым с женами не жить, и матерно не браниться, и жить постоянно в трудах и молитвах, и содержать посты*»⁴.

Лавров считает, вероятно, ошибочно, что Настасья Карпова, монахиня Ивановского монастыря, и Настасья Зима, один из лидеров нонконформистов, – это одно и то же лицо.

Настасья Зима (Зимиha)

Отдельное внимание кругу Настасьи Зимы – как близкому к иконоборцам – уделяет Елена Борисовна Смилянская. С Настасьей Зимой связана также кликуша Алена Ефимова, ее муж был иконоборцем из круга Зимы, а ее сестра Пелагея Ефимова и брат Григорий Ефимов посещали домашние вечерни у князя Ефима Мещерского.

Авдотья Мещерская, супруга князя Ефима Мещерского

В 1721 г. в доме князя Мещерского были задержаны разные люди, в том числе монахиня Рождественского девичьего монастыря в Москве Досифея, московская юродивая Марья Кузьминична Босая, которая 30 лет зимой и летом ходила босиком, старица Евпраксия, которая названа в деле «притворной кликушей», Пелагея Ефимова, названная в деле «кликушей», ее сестра Алена Ефимова, жена иконоборца из круга Настасьи Зимы, Григорий Ефимов, брат Алены и Пелагеи, зарайский подьячий Федор Григорьев, также крестьяне села Борисова Данила Васильев и Филипп Климов.

Князь практиковал у себя и особый обряд исцеления кликуш и «бесноватых» – бил их четками, кропил святой водой, помазывал маслом из лампы, горевшей возле иконы, а также одаривал кусочками просфор или хлеба, освященного на литии. Вот как описано это в деле: «Пойманы бабы и кликуши, они же раскольницы, Елена Ефимова и сестра ее Пелагея, которые у себя имели таким же пристанище и учили раскольническому и притворному кликанью, и по многим монастырям и церквам собравшись, ходили и оное притворство чинили, а именно ходили к князю Ефиму Мещерскому, который у себя имел образ богородичен и сказывал многим приходящим, что от оно-го образа беснующиеся исцеление приемлют, о чем у него и книга тех чудес учинена, которая с оным образом взята в приказ, да у него взято сухарей пшеничных с полчетверика, которые он раздавал, и маслом помазывал, и водою кропил, и от этого, будто, приходящие исцеление получали»⁵.

Марья Босая

Упоминается в близком к христоверам круге и юродивая Марья Босая. Она так же, как и Алена Ефимова, приходила на домашние богослужения к князю Ефиму Мещерскому. О том, что Марья Босая жила в Рождественском монастыре вместе со старицей Досифеей, упоминает Григорий Есипов в отдельном очерке, ей посвященном.

В 1721 г. все участники собраний у князя Ефима Мещерского и сам князь были арестованы и сосланы по «знатым монастырям, где есть тюрьмы»: князь Мещерский – на Соловки, Григорий Ефимов – в Кирилло-Белозерский монастырь, Алена Ефимова – в Вологодский Горский, Пелагея Ефимова – в Суздальский Покровский, Марья Босая – во Владимирский Успенский монастырь.

Ирина Верижница и старицы Досифея и Евпраксия

У князя Ефима Мещерского бывала и другая московская юродивая – Ирина Верижница, тоже жившая в Рождественском монастыре у Марьи Босой.

«Старица Досифея сказала, что с показанной жёнкой Аленой и с другими с нею людьми она хаживала, и в доме князя Ефима была, из них ломало помянутую верижницу (Ирину. – К. С.) и оный князь бил ее четками... [и сказала, что] и верижница Ирина была у ней и у Босой в келье... [и что] пристанище всяким бродящим старицам и беллицам у оной Босой есть»⁶.

Из этого показания следует, что в начале XVIII в. существовало какое-то количество бродячих монахов и монахинь (их число, вероятно, значительно возросло после секуляризации 1764 г.) и что многие из них находили пристанище в московских монастырях. В то же время образ жизни московских монахинь позволял им уходить за пределы монастыря, ведь сказано, что Досифея была у князя, а не князь у нее.

Об этом же говорится в расспросе старицы Евпраксии: «Евпраксия сказала, пострижена-де она в Ростовском Спасском монастыре и из того монастыря ходила она тайно в Соловки для моления, и в Москву пришла перед днем Успения Богородицы, и жила в Рождественском монастыре у показанной Босой и у старицы Досифей, и принесла того монастыря игуменье Панфилии из Архангельского монастыря от старца Прова, который ей, игуменье, духовник, письма, а о чем, не знает»⁷.

Анна (Агафья) Лупкина

Еще одна монахиня, которую мы знаем по архивным документам, – это Анна (Агафья) Лупкина, бывшая жена одного из первых известных лидеров московской христовщины Прокопия Даниловича Лупкина (умер в 1732 г.). После смерти Лупкина постриг приняла не только его жена, но и сын – иеродиакон Симонова монастыря Серафим (Спиридон Лупкин). При этом монашество не мешало ей продолжать устраивать собрания в своем доме, в том числе поминальные трапезы.

Авдотья Лопухина

Привлекают внимание и две дворянки, попавшие во внимание первой и второй следственных комиссий о раскольниках, – Авдотья Лопухина и Дарья Хованская.

Дарья Хованская

Из дела о Дарье Хованской⁸ мы знаем, что осенью 1743 г. княжна со своими людьми побывала на собрании христоверов в подмосковной Богословской пустыни (современное село Богослово Ногинского района). Сохранились рассказы о пребывании в пустыни как самой княжны, так и ее дворовых людей – Ивана Савельева, Сергея Никифорова, Аксиньи Петровой, а также расспрос строителя Богословской пустыни иеромонаха Дмитрия (в миру Даниила Ивановича Гусева) и купца Ивана Савельева.

Рассказы Ивана Савельева, Сергея Никифорова и Дарьи Хованской друг другу не противоречат. Из них мы узнаем, что княжна приехала в монастырь в Успенский мясоед, то есть осенью, после Успенского поста и до Филиппова поста, и провела в монастыре два дня. Пригласил ее в монастырь строитель Дмитрий, в келье которого она и обедала по приезду в пустынь, причем отдельно в документах указано, что собиралась обедавать привезенной и приготовленной ее же поваром «скоромным – мясным жареным»,

но в итоге ела «рыбное кушанье», поданное Дмитрием. А вот люди ее и все участники собрания христоверов ели привезенное княжной мясо, которое повар специально приготовил в печи в братской келье, а люди Хованской принесли в келью строителя. Отчасти этот эпизод показывает, что в середине XVIII в. христоверы еще не постились в скоромные дни – никакого глобального отказа от мяса еще нет.

Описанная в допросах ритуальная практика христоверов была такой: мужчины и женщины сидели по лавкам с разных сторон и пели стих «Дай нам, Господи», после чего присутствующий на собрании пророк Сергей Осипов и другие мужчины вертелись и били себя обухами и ядрами по спине. Мы видим здесь еще один способ самоистязания, наряду с ударами в грудь кулаками, – описанный игуменом Варлаамом Самсоновым. Любопытно, что здесь нет речи и об Иисусовой молитве – ее место занимает уже стих «Дай нам, Господи», в центре которого та же молитва Иисусова.

Княжна Дарья Хованская покинула собрание, не дождавшись его завершения, так как от духоты и страха перед самоистязаниями она потеряла сознание, «обомлела», а потом растиралась монгольской водкой, которую носила с собой в серебряном футляре, и ушла ночевать в келью строителя, где ее уже ждала девка Аксинья Петрова, не участвовавшая в собрании христоверов.

Собрание проходило в саду, в отдельной келье – то есть в отдельно стоящей избе. Монахи Богословской пустыни, по всей видимости, ничего не знали о сборище, как не знали ни Аксинья, ни повар Дмитрий Степанов.

Расспросов иеромонаха Дмитрия сохранилось несколько – и в них разные истории, отчасти обусловленные применением пыток на допросах – битьем кнутом и поднятием на дыбу.

В расспросе купца Ивана Савельева мы видим несколько иную картину: участники собрания были в монастыре не два, а три дня, но за это время успели побывать не только на собрании христоверов, но и на церковных богослужениях – на вечерне и литургии. Вот что говорит купец:

«В помянутую пустыню к оному иеромонаху Дмитрию приехали ввечеру и по приезде пришли к тому иеромонаху в келью и в той де келье тогда были оной иеромонах Дмитрий да Григорий Артамонов, Иван Иванов сын Белой, Сергей да Дмитрий Осиповы и другие – человека с три... а после-де их вскоре во оную пустынь приехала и в помянутую келью пришла княжна девка Дарья Хованская с девкою... да люди той Хованской Сергей Никифоров, Иван Савельев... и в то-де время они все и оная Хованская в той келье у того иеромонаха Дмитрия ужинали и после ужина легли спать, а именно он, Иван, и прочие пришедшие к тому иеромонаху мужеска пола оной Хованской люди – в особую келью, оный иеромонах – в особую келью, оная Хованская с помянутою девкой – в особую келью, токмо-де того вечера никакого у них злодеяния не было, и поутру-де встав, они все ходили к заутрене, а потом и к обедне и после-де обедни, собравшись они все и оная Хованская, кроме означенной ее девки, в одну келью и скинув с себя платье... а оная Хованская во всем платье, помолясь они все Богу, сели по лавкам: мужеск пол – по правую сторону, а оная Хованская – по левую сторону, и сперва оный иеромонах Дмитрий, а по нем и все они и оная Хованская пели вышеписанные стихи „Дай нам, Господи“ и прочие, и во время того пения сперва оный Сергей Осипов, а потом помянутые Иван Белой, Григорий Артамонов, Дмитрий Осипов, Иван Сафьянников и он, Иван, порознь во одних рубашках, вскоча с лавки, тряслись и вертелись вкрут

часа с четыре, а подлинно не упомнит, и всем бывшим на том сборище людям говорили они слова „Верьте вы нам с истиною“ и прочее и тогда оных помянутые Осипов и Сафьянников, подходя, кого знали, называли именем, а кого по именам назвать не знали, то братцом или сестрицею, тако ж и к помянутой Хованской, и говорили „Бог помощь тебе, братец или сестрица, как ты живешь“, „Ну, братец или сестрица, молись ты Богу по ночам, блуда не твори, на свадьбу и на крестины не ходи, вина и пива не пей, где песни поют не слушай, где драки случатся, не стой“... и потом-де все они друг другу кланялась в ноги, тако ж и оная Хованская кланялась же, токмо в пояс, и просили, чтоб друг о друге помолиться Богу... и по окончании того действия, помолясь они все Богу, из той кельи вышли в другую келью, и сели обедать, и после обеда были все, и упомянутая Хованская, в той пустыни до вечерни, а потом, сходя они все и оная Хованская, на вечерню, у того иеромонаха Дмитрия в келье ужинали, а после ужина во оной пустыни ночевали – они все и оная Хованская – по тем же кельям, и на другой-де день по утру из той пустыни все они и оная ж Хованская с помянутыми людьми своими разъехались»⁹.

Мы видим по этому тексту, как организовано пространство хлыстовского радения – насколько четко маркированы женское (слева) и мужское (справа) пространства. И при этом как в пространстве ритуала активны все – и мужчины, и женщины. В этой общине пророки-мужчины – Иван Белый, Григорий Артамонов, Дмитрий Осипов, Иван Сафьянников и Иван Савельев, которые тряслись, вертелись и пророчествовали. В других московских общинах мы чаще видим в роли пророчиц женщин.

Женское лидерство

В поле зрения миссионеров и исследователей, начиная с Дмитрия Ростовского и Василия Фролова, женщины хлыстовских общин попадают как «богородицы» или «лжебогородицы», сопровождавшие «лжехристов».

«В том ските или толку обретается некий мужик, его же зовут христом и яко Христа почитают... а водит с собою девицу краснолицну и зовет ю материю себе, а верующие в него зовут ю богородицею», – пишет Дмитрий Ростовский в «Розыске»¹⁰. «Девку имели некую скверную за Богородицу», – пишет Василий Фролов¹¹. И в литературе – как исследовательской, так и художественной, этот предикат сохраняется.

В указе 1734 г.¹² термина «богородица» еще нет, но акцент на женское лидерство уже есть. И кроме него – еще намек на сексуальность, не нормативную, а табуированную в религиозных сообществах.

В указе сказано, что «собирались мужеский и женский пол с прилежным укрывательством в одно некое место, и обедав в обществе садились по лавкам – по одну сторону мужеский, а по другую – женский пол, а в начальном месте заседал оной прелести предводитель, муж, или жена, якобы по чину пастырскому», что «взяв благословение у оной предводительной особы с низким поклонением и целованием руки, по две и по три пары, или с большим числом иные муж с мужем, иные муж с женою, иные жена с женою плясали кругом по избе, как кто мог высоко подскакивая, и сказывали, что на таковое плясанье, или паче шатанье, подымал их Дух Святой, приводя на то пребезумным развратом оное у Пророка слово Божье: „Вселюся в них и похожду“, что глагола Бог, обещавая верным своим благодатное свое неотступное присутствие, ведущее их на путь спасения, а не так, шальному движению», что «хулили брак законный,

установленный и благословенный от самого Бога, вменяя ложе брачное нескверным от апостола или паче от Святого Духа нареченное, в скверну и в великий грех, и того ради приходящим в собрание их приказывали неженатым никогда впредь не жениться, а кто женат, разводиться с женами», а при этом «когда в таковые собрания сходились, мало когда в тот же день и с места того расход их бывал, но всегда почитай все там же и ночевали в одной избе мужеский и женский пол, только, сказывают, по одну сторону мужчины, а по другую женщины, что немалое подозрение подало блудного их смешения, наипаче, когда и одну из числа их старицу обличено, и сама в упомянутой комиссии винулась, что она с мужчиною той же ереси от беззаконного совокупления и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая мерзкие оные соборы созывала, многие кровати во время следования над келию ея под кровлей найдены и тако они, окаянные, весьма дивным развратом в неискусный ум пришли, законный брак отвергая, а беззаконного смешения не отстая»¹³.

Эта же идея – связи женского, сексуального и религиозного – передана Андреем Белым в образе Матрены из «Серебряного голубя».

Но при этом, как видно из документов, большая часть женщин из согласия христовщины – это монахини, кликуши или юродивые. Их статус в общинах равен мужскому, сравнимый с мужским – и в проповеди, и в пророчествах, и в организации пространства для богослужения, и в предоставлении своей территории для общего сбора. Кажется, что в то время, когда ведущие роли в ортодоксальных общинах остаются преимущественно мужскими (священники, диаконы, просвиряки, чтецы и певцы – мужчины), в гетеродоксальных общинах женское лидерство становится нормативным явлением. И при этом даже в текстах исследователей XX и XXI вв. ему не уделено должного внимания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АЛЕНЫ ЕФИМОВОЙ, 1721 ГОД

А женка Алена, Ефимова дочь, в Москве в допросе сказала: муж-де ее был иконоборец, а признала за ним таким образом: как жгли иконоборца Фомку и той ее муж говорил: не выйдет, богомольцы как-де наши страждут, не жалея себя – и сожгли-де – так не перекрестился. А как такая ж иконоборица жонка Настасья Зимиха вооружилась и тогда он же, ее муж, говорил: то-де баба наша так поступает, и как та баба обратилась ко святей Церкви, и тот ее муж убоясь, ушел, да она ж, Алена, слышала от жильцов, которые у нее жили, муж-де ее Максим, жив, а видели-де его на Макарьевской ярмонке; а приводил-де он в дом свой учителя своего Ивана Алимова, которой торговал в Юхотном ряду, да он же, муж ее, говорил ей: наш-де товарищ Михайло Косой, да что ему сделали, он же ныне фискал.

Святым иконам тот же ее, Аленин, муж Максим наедине не поклонялся и называл их красными кафтанами, а при посторонних поклонялся и к животворящему кресту и ко святой воде прихаживал, а после крест и священников бранил и поносил всячески,

и потом-де она извеждала отцу своему духовному попу Матвею Лазареву (нрзб) время (и с очной ставки говорила те ж речи) и потом тот поп мужа ее в болезни и здорovie исповедовал.

К ним же в дом приходил пустынный, Михайло звали, а чей сын, не знает, и по многим разговором говорил ей, Алене, что-де треперстным сложением не умолишь у Бога, а простирай ум свой: смотри на иконы, и она-де, присмотря на иконах противное сложение, и от того времени и крестится. А при исповеди поп Матвей и сын его поп Григорий о сложении перстов не спрашивали и она-де им не объявляла.

Оная Алена объявила в Москве полковнику Плещееву: года тому с два принесла она в большой Успенский собор пелену и, подав, скоро отошла, убоясь страха, чтоб ее не удержали.

И по указыванию ее, Аленину, в алтарь на северной стороне ключарь Еким Евдокимов вынес пелену четверти в три, а в ней между верхов и подкладкою явились письма на дву полулистах, да на четвертке. А в них пишеть: во имя Отца, и Сына, и Святого духа, предаюсь Отцу и Сыну и Святому духу с душою и телом живая на муки, за царское величество, раструди, Господи, душу мою по кленовому листу, покланяюся ко Отцу и Сыну и Святому духу и самому Христу, Небесному царю, и Пресвятой Богородице с душою и телом, с умом и разумом, со всем житием бытием, для ради благоверной веры, для ради царя Петра Алексеевича, да спаси его Господь душу, вначале за всю и за вся православные христиане, спаси его, Господи, душу от злых дел, от всех худых помыслов, от душевной пагубы, для ради будущего века, для ради второго Христова пришествия, для ради пресветлого красного рая, и возведи, Господи, царские очи на праведный суд и управи его, Господи, душу на путь спасения и разжгни его, Господи, сердце и мысли от Божьего суда от духа святого от небесного пламени и пространи его, Господи, ум и очи на премудрость Божию, одари его, Господи, премудростями своими неповедимыми и утверди его, Господи, во своих заповедях Господних, аки за огненным небесным пламенем крепче неподвижима былого камня, крепче столпа непоколебимого, крепче стены нерушимые, Господи, утверди и путь сохрани, не дай ему, Господи, во греховной смерти уснуть, дай ему, Господи, на враги супостаты победу и поможение, а клятве разрушение, а вере святой соединение на сей земле и одари его, Господи, век лет живота его, теперь, Господи, наш батюшка царь государь пребывает в земных счетах и в трудах человеческих, возложи, Господи, на меня труды несказанные за его царскую душу и пути непомерные и постави все мое моление и все мое воздыхание и горькое сердечно рыдание и плачь мой неутешный и теплые слезы, и кровавые раны, и пост, и молитву исполнить бы все желаемое, прославить бы тебе Отца и Сына и Святого духа не мною грешною, но царским величеством, да услыши сам Христос святую молитву и праведну, и Пресвятая владычица Богородице, скорая помощница, теплая заступница, тихое пристанище, святая святых, небесного царя царица, неизреченная красота, нетленно сокровище, преславная радость, чудеса несказанные, умиленное зрение, всевидимое око, можешь ли ты, матушка, на нас по грехом воззреть и услышать святую молитву, праведно пророчество и апостольско слово на последнее время, что един умолит за пятьсот, а двое за тысячу. А нас, Господ, сподоби от единой души умолить о царе Петре Алексеевиче с Божиим судом и духом святым. Святые ангелы и архангелы, помолитесь на небеси Царю небесному об царе Петре Алексеевиче, святини херувимы и серафимы, помолитесь Царю небесному об царе Петре Алексеевиче,

святые апостолы и пророки и многомилостивые евангелисты и преосвященные митрополиты, святые праведные отца наши учителя и святители и святые преподобные и богоносные, и все блаженные святые угодники и мученики, святые жены-мироносицы, святые равноапостольницы и пророчицы, и мученицы, святые угодницы и великомученицы и вся небесная сила, возмолитесь перед херувимским престолом Царю небесному, я на земли многогрешница и прошу, и молю, устыши, пресвятая соборная апостольская Церковь с пречестным и животворящим крестом, со ангельским гласом, со святыми колоколами, услышь, святая соборная апостольская Церковь со святым херувимским престолом и с Евангелием, и сколько во святом Евангелии святых слов, и с пречестных уст все вспомните пред отцом Небесным об нашем царе Петре Алексеевиче, да услышит святая соборная апостольская Церковь со всеми местными иконами и честными мелкими образами, услыши, святая соборная апостольская Церковь со всеми с апостольскими книгами, и с паникадилами, и с местными свечами, и со святыми пеленами, и с честными ризами; да услыши, святая соборная апостольская Церковь с каменными стенами, и с железными плитами, со всякими плодородными древами, да услыши, святая соборная апостольская церковь и с премудростями Божьими и трудами человеческими, и с подножием Божиим, со святым местом, с Матушкой сырою Землею, возмолися на небеси святая соборная апостольская церковь Царю небесному, чего я прошу и молю: о, прекрасное Солнце, возмолися Царю небесному об царе Петре Алексеевиче, о, млад светел месяц со звездами, и о, небо с облаками, о грозные тучи с буйными ветрами и с вихорами, о, птицы небесные и поднебесные, о, вине море со реками и со мелкими источниками, и с малыми озерами, возмолитесь Царю небесному об царе Петре Алексеевиче, и рыбы морские, и скоты польские, и звери дубравные, и поля (?), и все земнородные, возмолитесь ко Царю небесному об царе Петре Алексеевиче, я на земле многогрешная, на земле молюся: Господи, не отврати пречистого лика и не сними, Господи, праведные руки свои с рода христианского и не отрини, Господи, святого духа от премудрой своей благодати, умилися сам Христос ради матушки своей, Пресвятой Богородицы, не остави, Господи, ангела хранителя, ни от души моей, ни от тела, ни во дни, ни в нощи, ни по всякому часу, ни в славней четверти, ниже время на святой молитве; ангеле Христов, хранитель мой, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь; да услыши молитву мя от грешней моей души и от скверных моих уст, и сердечной глубины принеси сию молитву на небеси и возмоли самому Христу на небесех: я прошу и молю, вознеси, Господи, царскую руку и возвыши, Господи, род христианский, и огради, Господи, всю земнородную, и взыщи, Господи, всех любящих и труждающихся во всю землю подвселенную на порадование и на увеселение его сердца и на покой его плоти. Конец и Богу слава. А царю нашему слава и держава.

Алена сказала: те-де письма руки племянника ее, Пелагенна сына, Ивана Михайлова; а писал по ее, Аленину, велению; а той-де молитве она, Алена, изучилась от сестры своей Пелаген, а простирается-же у них та молитва того ради, дабы Господь Бог радовал им видеть его царские очи и глагол его услышать на земли и за то-де видение не отвержены они будут на небеси, тако ж и о спасении его, царского величества, души и о продолжении живота его.

<...>

РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 387. 1721. Л. 6–10. Рукописный подлинник

- ¹ Нечаев В. В. Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 96–107.
- ² ПСЗ. Т. 4 : 1733–1736. СПб., 1830. С. 390–395. Указ № 6613 – 7 августа 1734 года.
- ³ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 6. Расспросы 78 человек колодников по присланным из Синода пунктам, 1733 г. Л. 52 об.
- ⁴ Чистович И. А. Дело о богопротивных сборищах и действиях // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 2. М., 1887. С. 9.
- ⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Дело о князе Ефиме Мещерском, имевшем в своем доме дароносицу с церковными дарами, 1721 г. Л. 15.
- ⁶ Там же. Л. 24.
- ⁷ Там же. Л. 27 об.
- ⁸ РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 24. О строителе Богословской пустыни Московского уезда иеромонахе Дмитрие Гусеве, княжне Дарье Хованской и людях ее Ивана Савельеве, Сергее Никифорове, Василии Егорове и Аксинье Петровой по обвинению в бытши на сборищах, 21 марта 1745 года. Л. 24.
- ⁹ Там же. Л. 14 – 15 об.
- ¹⁰ Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической Брынской вере. М., 1847. С. 598–600.
- ¹¹ Обличение на раскольников, сочиненное Василием Флоровым. М., 1894. С. 27–28.
- ¹² ПСЗ. С. 390–395. Указ № 6613 – 7 августа 1734 года.
- ¹³ Там же.